

УДК 327 (575.2) (04)

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО КОРПУСА
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

О.Л. Сумарокова – аспирант

Рассматриваются проблемы формирования нового культурного пласта национальной интеллигенции – проводника европейских знаний – в многонациональную сферу Туркестанского края.

Ключевые слова: Туркестан, учителя, энтузиазм, Россия, образование.

С момента учреждения Туркестанского края, вошедшего в состав России (2-я половина XIX в.), позиционирование российской образовательной системы в среде, где на протяжении веков свою авторитарность и свои взгляды на образование утверждал ислам, определилось как один из основных векторов русско-азиатской интеграционной политики. В 1870 г. Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман создал комиссию под председательством делопроизводителя особого отделения Канцелярии Генерал-Губернатора Бродовского, на которую было возложено обсуждение устройства учебной части в крае.

Кроме благоустройства школ Туркестанского края 2-й половины XIX в., подведомственных Министерству Народного Просвещения, необходимо было создать условия для привлечения в край квалифицированных педагогов. В 1873 г. основным элементом плана по развитию народного образования стала идея открытия в Средней Азии учительского института. Миссия его должна была состоять в формировании в Туркестане нового культурного пласта национальной интеллигенции – проводника имперских идей и прогрессивных европейских знаний в многонациональную исламскую среду, не понаслышке знакомого с ее образом и способом жизни, мышления, ее мировосприятием. Модель учителя-билингвиста из народа должна была с честью служить идее консолидации больших и малых этносов Российской Империи, составив серьезную конкуренцию местным муллам в вопросах магометанской схоластической учености.

В 1871 г. комиссией под председательством делопроизводителя особого отделения Канцелярии Генерал-Губернатора М.И. Бродовского был выработан проект устройства народного образо-

вания в Туркестанском крае для утверждения его в законодательном порядке. Система учебных заведений [1: 6–7], представленная в нем, в первую очередь была ориентирована на подготовку учителей различных категорий, обязанных в дальнейшем служить в интересах распространения в Туркестанском крае просветительских идей в духе российских педагогических канонов.

В 1879 г. в Ташкенте состоялось открытие четырехклассной мужской Туркестанской учительской семинарии, являвшейся в течение десятилетий единственной педагогической школой для огромной территории Центральной Азии. В составе учащихся-стипендиатов в ней одну треть должны были занимать представители местных национальностей. С 1879 по 1904 г. из 415 человек, поступивших в семинарию, русских было 384 (83,9%), казахов – 54 (13%), узбеков – 9 (2,2%), татар – 3 (0,7%), туркмен – 1 (0,2%). Из окончивших за это время 254 воспитанников 39 (11,4%) были представители коренных национальностей, из них один узбек, остальные – казахи [2: 155]. С 1904 по 1914 г. ее окончил еще 201 человек, в том числе 14 туземцев. Среди выпускников Туркестанской учительской семинарии за 35 лет не было ни одного кыргыза [4: 266].

В целом по числу выпускаемых ежегодно воспитанников данное учебное заведение не могло удовлетворить потребность края в учителях. Кроме того, далеко не все из поступавших в семинарию стремились к педагогической работе: отработав за 6 лет стипендию, преимущественно в русско-туземных школах, ее выпускники благополучно устраивались в учреждения и частные фирмы, где требовались служащие, владевшие местным языком. По данным юбилейного отчета, из 177 окончивших семинарию

в 1883–1898 гг. к указанной дате (1904 г.) 18 умерли или не работали по болезни; из здравствовавших 159 человек педагогической работой занимались 107. Из 52 выпускников семинарии 1904 г. 13 человек служили переводчиками, 23 – на других должностях в разных учреждениях, 16 работали в банках, страховых обществах, занимались коммерцией [4]. То есть почти треть выпускников семинарии, отслужив отведенный срок, покидала школы.

Не стремились в Туркестанский край и учителя из других регионов страны. Причины такого положения дел виделись в “удаленности (Туркестанского края – О.С.) от центров просвещения Европейской России и трудности путей сообщения” [1: 28]; недостаточном количестве учителей с институтским образованием “и для городских училищ Европейской России, в районах которых имеются свои учительские институты” [5]. Объективно неблагоприятный для чиновничества, в первую очередь, в материальном аспекте и удаленный от культурных центров, жаркий Туркестан воспринимался в русском обществе как место ссылки. Между тем задачи, возлагавшиеся на народных учителей Туркестанского края, были велики – не касаясь вопросов религии, не только учить народ читать и писать, но и просвещать – в духе гуманизма, в соответствии с господствующей в стране политической, правовой, эстетической идеологией.

“Инструкция заведующим русско-туземными училищами Туркестанского края” 1887 г., утвержденная генерал-губернатором гласила: “В силу того, что русско-туземные школы решают не только образовательные, но и политические задачи, что требует от заведующих и учителей строгого соблюдения этических норм поведения: они должны быть грамотны, в общении с учащимися и родителями быть мягкими, уважительными, исключить из обихода школы наказания...” [6: 69]. Данные критерии были определены неслучайно: 1) кандидатура учителя должна была устраивать не только власть, но и местное население. В связи с этим на проводившихся съездах народных учителей Туркестанского края неоднократно поднимались вопросы о том, “какие больше запросы предъявляет местное население к личности учителя”, какие должны быть предприняты “меры против подавления личности ученика” [7] и т.д.; 2) обучение должно было быть эффективным с точки зрения обретения учащимися речевых навыков и следования намеченным идейным правительственным ориентирам.

В 1884 г. Главный Начальник края после объезда Ферганской области в приказе от 4 октября того же года выразил надежду, что обучение туземцев разговорному русскому языку пойдет еще успешнее “при условии, если учителя будут точно исполнять циркуляр Главного Инспектора училищ от 17 августа 1883 г., об изучении ими местных наречий” [8: 181]. Это положение было predetermined билингвальным характером русско-туземных школ и апробировавшимися в них методами обучения – переводным и натуральным (наглядным).

Заведующий Джаркентской русско-туземной школы М. Авдеев в связи с этим отмечал: “Подготовка у учителя русско-туземного училища должна быть вообще педагогическая, а в частности, он должен по своей специальности знать наглядный метод преподавания, его применение, а также должен ввиду обучения инородцев обладать языком той народности, детей которой обучает. Знание языка необходимо на первых порах обучения грамоте, при объяснении отвлеченных понятий, при прохождении грамматики” [9].

В конце 1878 г. инспектор народных училищ Туркестанского края Н.П. Остроумов осмотрел школы Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей и составил их описания [10]. Первое, что обратило его внимание – это низкий общеобразовательный уровень учителей: в 14 школах и одном пансионе было всего 24 учителя, из которых лишь 1 имел университетское образование, 1 окончил учительский институт, 1 имел звание учителя, а 21 из преподававших не имели звания учителя, из них у 2-х было среднее образование, а у 19 – низшее.

Нередко Остроумов дает такие характеристики учителям: “Учитель – человек молодой (18 лет) и хотя малосведущий и малограмотный, но весьма старательный. Педагогической опытности имеет мало, так как учительствует лишь полгода и училищная библиотека не дает ему никакой возможности к самообразованию”.

Сведения о том, насколько квалифицированы были педагоги, занимавшие должности в народных школах Туркестанского края, и имел ли место дефицит учителей, весьма противоречивы. По данным “Очерка народного образования в Туркестанском крае” за 1896 г., “почти все вакантные места были замещены лицами, получившими соответствующее образование и имеющими право для занятия вверенных им должностей. Из числа 191 лица, занимающего к первому января 1896 г. учительские должности в Туркестанском крае, 26 получили высшее

образование, 40 имели свидетельства на звание домашних наставниц и учительниц, 19 окончили курс в учительских институтах со званием учителей городских училищ, 10 имели свидетельства на звание уездных учителей, 4 – свидетельства об окончании курса в специальных училищах рисования, 91 – свидетельства на звание учителя или учительницы начального училища и 1 лицо – домашнего образования” [1]. Согласно туркестанскому календарю 1904 г. “русских учителей впоследствии было так мало, что заведывание русско-туземными школами иногда поручалось мусульманам... Таких школ было 13 из 55” [11: 138].

В 1902 г. “Туркестанские ведомости” опубликовали статью о проблемах учительства в крае. “Будучи и по образованию и по умственному развитию выше сельского населения, – писал корреспондент, – учитель сразу попадает в зависимость от грубости сельского обывателя и терпит вместе со школой и холод, и неудобства... Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше, и поэтому, понятно, что сельский учитель норовит улизнуть из такого села, а то и совсем с учебной службы, изменяя святому делу народного просвещения” [12].

Местная администрация, признавая тяжелое положение народных учителей, иногда давала сведения в вышестоящие органы о незавидном их положении, напоминая о необходимости пересмотра вопроса относительно их жалованья. Во время ревизии Туркестанского края комиссия во главе с царским сенатором К.К. Паленом, признавая тяжелое положение школ и учителей, писала, что многие учителя оставались без жалованья по пяти и более месяцев, что всякий другой труд в крае оплачивается выше, даже служители в тех же училищах получают больше [13: 55].

“Чтобы достигнуть... наибольшего постоянства службы их (народных учителей – О.С.) и тем самым привлечь на службу в город лучшие силы учительского персонала” [14] 7 июля 1913 г. был издан Закон, устанавливавший пятилетнюю прибавку к жалованью учителям и учительницам приходских училищ, прослужившим вообще в учительской должности 5, 10, 15, 20 и более лет в размере 60 рублей за каждое пятилетие [15]. Однако попечительский комитет при управлении учебными заведениями Туркестанского края 4 августа 1917 г. вынес решение, в котором говорилось, что несмотря на все существовавшие прибавки, получаемые начальными учителями министерских школ, оклады мизерны, и настоятельно требовал их увеличения.

В 1909 г. в край прибыл новый генерал-губернатор А.В. Самсонов, который обратил серьезное внимание на постановку образования туземцев края, и в приказе по учебному ведомству от 8 августа того же года по поводу некоторых дефектов в деятельности русско-туземных школ Ферганской области писал: “Русские и русско-туземные училища, являясь рассадниками русского просвещения и проводниками русской культуры в новозавоеванном Туркестанском крае, должны вместе с тем служить первым и верным средством к сближению туземцев с русским народом и русским государством. Поэтому учителя, руководящие этими школами, должны проникнуться сознанием важности возложенного на них правительством учебно-воспитательного дела и употребить все усилия к поддержанию учебного дела во вверенных им школах на высоте, соответствующей важности государственной задачи, осуществляемой этими школами... Народные учителя в школах обязаны подавать пример личным своим поведением не только детям, но и всему населению данной местности. Являясь почти единственными представителями русской образованности, учителя русских и русско-туземных школ на своих уроках обязаны стремиться к закреплению в умах и сердцах детей туземцев мысли о величии и могуществе России, принявшей под свое покровительство малокультурный, но многообещающий Туркестанский край, который пользуется внешним спокойствием и материальным благосостоянием” [16].

О том, что в школах Туркестана велась не только учебная, но и воспитательная работа, свидетельствуют некоторые положения, изъятые из протоколов учительских съездов 1910 г.: о необходимости “введения возможного культурного элемента в программы туземных классов и подготовки для них учителей” [17]; “о мерах борьбы с развращающим влиянием на детей крестьянских свадеб и пирушек”; “о мерах искоренения курения табака в русско-туземных интернатах” [18]; о необходимости “в борьбе с пороками учащихся действовать примером и внушением учителя в школе и вне школы” [19] и др.

Спустя год А.В. Самсонов совершил объезд Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, посетив городские, сельские и станичные учебные заведения попутных городов и селений. Вот что он писал о их состоянии: “Общее впечатление, которое произвело на меня состояние учебного дела, совершенно неудовлетворительное. Учебные заведения не сообщают своим питомцам

всю полноту знаний, которые предположены их программами... Таким образом, главной причиной неудовлетворительного состояния училищ следует считать весьма несовершенный состав педагогического персонала, в коем состоит много лиц, не получивших, кроме большинства учительниц, среднего образования, а допущенных к педагогической деятельности по экзамену” [20]. В “Статистическом обзоре Ферганской области за 1910 год” также отмечается, что “состав учителей далеко не во всех школах стоял на должной высоте” [21].

В период, когда существовала лишь идея создания русско-туземных школ, один из знатоков жизни киргизов, военный врач Ф. Поярков, заметил: “Чтобы ослабить их (мусульманских духовных служителей – О.С.) пропаганду, необходимо, не откладывая далеко, в самых глухих местах завести русско-киргизские школы, оставив их по возможности хорошими пособиями, и послать туда русских учителей, обеспечив последних вполне приличным содержанием, чтобы в эти школы могли войти лучшие силы” [13: 12]. В полной мере реализовать задуманное было весьма сложно – финансирование во все времена оказывалось слабой стороной в системе образовательных мероприятий в России. А потому вместо “лучших сил из числа учителей” в школы Туркестанского края 2-й половины XIX в. поехали “лучшие силы энтузиастов”, которые заложили в крае фундамент российского образовательного института.

Литература

1. Очерк развития народного образования в туркестанском крае / Сост. Инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. – Ташкент, 1896.
2. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М., 1960.
3. Киргизская Советская Социалистическая Республика: Энциклопедия / Гл. ред. Б.О. Орузбаева. – Ф., 1982.
4. Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г. – 30 августа 1904 г.) / Сост. Н.П. Остроумов. – Ташкент, 1904.
5. ЦГА КР. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 4. Л. 124.
6. Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. Учебное пособие. – Алматы, 1998.
7. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д.-2. Л. 3.
8. Недерица Е. Обзор хода учения в вечерних курсах для взрослых туземцев, устроенных при мужских училищах Туркестанского края // Туркестанские ведомости. – №41, 1885.
9. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д.-1 Л. 2.
10. Начальные училища в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях в X и XI 1878 г. // ЖМНП. – 1879. – VII.
11. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Ленинград, 1927.
12. Туркестанские Ведомости. Февраль, 1902.
13. Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. – Фрунзе, 1963.
14. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.
15. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 6. Л. 5-5об.
16. Туркестанские Ведомости. Август, 1909.
17. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
18. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
19. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 2. Л. 16 об.
20. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 2. Л. 37об.
21. Статистический обзор Ферганской области за 1910 год. – С. 182.